УДК 141.3:17.02

Ларина Л.Ю.

Онтологические основания трагического

Larina L.Y.

Ontological foundation of tragic

Статья посвящена исследованию отношения к трагическому в современной цивилизации. На основе анализа некоторых наиболее известных концепций диалектики трагическое представлено как неотъемлемая сущность бытия. Показано, что уход от решения имеющих онтологические основания трагических проблем человеческого существования стал одним из важнейших истоков антропологического кризиса, усиления социальной и политической напряженности в мире.

Ключевые слова: трагическое, трагическая диалектика, философия трагического, человеческое существование, современная цивилизация, духовно-нравственная культура.

Начиная, как минимум, с первой половины двадцатого столетия в философских и научных кругах формировалось весьма противоречивое отношение к проблемам трагического. Это было вызвано вполне объективными причинами. Дело в том, что, с одной стороны, все более заметными становились процессы, усиливающие трагизм человеческой жизни. Катастрофическое загрязнение окружающей среды, обнаружившаяся ограниченность энергетических и продовольственных ресурсов, техногенные катастрофы, присоединившиеся к «традиционным» природным катаклизмам, перманентные крупномасштабные и локальные конфликты, мировые войны, неисчезающая угроза третьей мировой войны, духовно-нравственный кризис, как и многие другие неотъемлемые реалии нашего мира, оказались новыми истоками, новыми специфическими условиями трагического.

С другой стороны, человек почти перестал понимать трагизм собственного бытия. Пребывая в иллюзии защищенности от трагических событий (научно-техническими достижениями, социальным статусом, банковскими счетами и другими подобными атрибутами внешнего благополучия), он убежден, будто его существование перестало быть трагичным. Это печальное заблуждение подпитывается тем, что у нынешних поколений, по словам Г. Маркузе, преобладают ложные потребности (расслабляться, развлекаться и т.п.), целенаправленно формируемые предлагающей почти неограниченные возможности для их удовлетворения технической цивилизацией, одновременно дискредитирующей «высокие» духовные устремления. Именно «успешное удушение» истинных человеческих потребностей, таких как свобода, Маркузе считал отличительной чертой индустриального общества, в котором человек находится в состоянии «эйфории в условиях несчастья [6, с. 22]», или, другими словами, в состоянии счастливого сознания.

Укоренение в культуре «счастливого сознания» – одна из наиболее глубоких трагедий нашего времени, порождающая самые негативные, трагически-пессимистические настроения по поводу будущего, потому что понимание трагизма есть непременная составляющая нравственного бытия и стремление уклониться от признания трагической стороны жизни ведет к разрушению нравственных основ человеческого существования.

Неспособность и нежелание видеть и понимать трагическое, безусловно, находятся в числе тех причин, вследствие которых мир начал превращаться в «плоский», человек – в «одномерного». Как закономерный результат «позитивного искоренения» трагического чувства жизни, распространились пошлость, бездумное и бездушное, скотски-животное существование. Сущность жизни – трагическая. Это хорошо понимали уже самые древние мыслители. И дистанцироваться от проблем трагического можно только пребывая в некоей «плоской» и пошлой реальности, только скользя по поверхности бытия. «Глубины бытия трагичны. Отказ от трагедии – отказ от глубин, утверждение плоскости, пошлости, «лакееобразности» [7, с. 349]».

Трагичным видится то, что «счастливое сознание» принимает создаваемый для него и им самим «плоский мир» как «естественное состояние», как «нормальное» положение вещей, с видимым удовольствием соглашается на одномерное существование, не то чтобы не будучи в состоянии постигать никаких трагических «глубин», но не желая их постигать, отвергая, как ненужные пережитки прошлого, честь и достоинство, доброту и сострадание, духовность и нравственность.

На протяжении всего двадцатого столетия и в России, и на Западе, звучали тревожные предупреждения о катастрофических последствиях повсеместного распространения подобного отношения к сущности жизни.

Например, Д.С. Мережковский был убежден, что западноевропейские народы, как и народы им подражающие, погубят себя своей безнравственностью. Причем трагическая развязка не за горами, потому что никогда прежде человек не воспринимал свое бесчестие нормой, как сейчас. «Был «Божий мир», pax Dei, и люди, воюя, знали, что нельзя воевать, убивать: «не убий» смутно помнили; был Божий брак, и люди, живя в Содоме, знали, что Содом – ужас и мерзость. А теперь разрешили себе и то, и другое, по совести… [8, с. 231]».

К сожалению, слишком часто современный человек – это самодовольный утилитарист, не постигающий ничего высшего и духовного. «…Он пошл в высшем, религиозном смысле этого слова и нравится себе в таком состоянии, – сокрушался И. Ильин. – Он пошл без всякого «надрыва» и покаяния и склонен к нападению на все непошлое [2, с. 62]».

Более того, «счастливое сознание» с готовностью оправдывает любое преступление той власти и того общества, которые внушают ему, что сытое, иллюзорно-беззаботное существование откармливаемого животного – это «хорошо», что это и есть конечный идеал человеческой жизни и которые будут обеспечивать ему такую «счастливую» животную жизнь, находя для нее «рациональные» объяснения, разрешая вести ее «по закону». Г. Маркузе писал по этому поводу: «…утрата совести вследствие разрешающих удовлетворение прав и свобод, предоставляемых несвободным обществом, ведет к развитию счастливого сознания, которое готово согласиться с преступлениями этого общества, что свидетельствует об утрате автономии и понимания происходящего [6, с, 111]».

Естественно, неспособность и нежелание признавать трагическое не сделали существование нынешнего человека действительно менее трагическим. Просто, трагическое чувство жизни современного индивида оказалось загнанным внутрь подсознания: «современное общество «решило» проблему путем ее подавления [6, с. 94]». Однако оно не устранило (и не могло бы устранить) лежащие в основаниях бытия фундаментальные истоки трагизма. Можно пытаться закрывать на это глаза, но трагическое есть всегда и помимо нашей воли, помимо обывательского желания вести спокойное, размеренное существование, оно самым неожиданным образом врывается в привычный и казалось бы незыблемый ход событий непредвиденными крушениями надежд, ожиданий или представлений, вызывая тоску и страдание, отчаяние и душевную боль.

Да, современный человек предпочитает находиться в состоянии «счастливого сознания», а манипулирующие им «элиты» усиленно поддерживают и направляют такое стремление. «Но, безусловно, это счастливое сознание весьма непрочно – как

тонкая поверхность над все проникающим несчастьем, страхом, фрустрацией и отвращением [6, с. 112]». Сплошь и рядом блаженное состояние «удовлетворенного раба» опровергается самой действительностью.

Человек техногенного мира лишь внешне благополучен. На самом деле, он глубоко несчастлив. И этот внутренний, подавляемый в нем трагизм подобен неразорвавшейся бомбе, угрожающей не только личному благополучию, но и стабильному состоянию общества, которое в любой момент может быть уничтожено социальным или политическим взрывом.

Отстраняясь от трагических событий жизни, мы отрекаемся от глубин собственного бытия, теряем «человеческое измерение», наше существование уподобляется существованию «плоских» недуховных предметов, существованию вещи среди других таких же вещей. Столь важные (витальные) представления о ценности, неповторимости, уникальности каждого человеческого существа превращаются в пустой звук. Но тогда человеческое существование начинает казаться бессмысленным. Это «открытие» может иметь самые трагические последствия. В. Франкл в работе «Плюрализм науки и единство человека» приводит слова американского социолога У.И. Томпсона: «Люди не являются предметами подобно столам и стульям, и, если они обнаруживают, что их жизнь редуцируется к простому существованию столов и стульев, они совершают самоубийство [11, с. 47]». Поэтому нет никакого противоречия в том, что эпоха счастливого сознания ознаменовалась ростом числа самоубийств, с начала XIX века наблюдавшимся практически во всех странах мира. По данным официальной статистики, сегодня каждый год совершают самоубийства 1 100 000 человек и, согласно прогнозу ВОЗ, к 2020 году эта цифра увеличится до 1 500 000 человек.

Однако от подавленного, но не устраненного идеологией «счастливого сознания» чувства трагизма исходит и другая, возможно даже более опасная, чем рост суицидов, угроза. Ее явные и неявные проявления мы уже сейчас можем наблюдать практически по всему миру. Суть ее заключается в том, что чувство загнанной внутрь «обездоленности» «легко поддается политической мобилизации и может стать источником нового фашистского образа жизни и смерти [6, с. 112]». Поэтому с приходом научно-технической индустриальной цивилизации трагедия человеческого существования не заканчивается, в чем иногда пытаются убедить нас идеологи универсального рационализма, манипулирующие массами посредством формирования у индивидов счастливого сознания. Трагедия только должна начаться [6, с. 146].

Ни индустриальная, ни постиндустриальная, ни какая-либо другая цивилизация не смогут устранить трагизм человеческой жизни, потому что трагическое имеет глубокие онтологические основания. От него можно лишь временно дистанцироваться, но тем самым не решить проблем человека и не создать гуманного общества, ориентированного на общечеловеческие ценности.

Путь игнорирования трагической стороны нашего бытия всегда будет вести лишь к углублению трагизма, к социальным потрясениям, духовно-нравственной деградации и разложению общества. Это всегда будет путь в некий «виртуальный мир», который рано или поздно неизбежно разобьется от соприкосновения с действительностью.

С глубокой древности человек пытался осмыслить трагическое именно как неотъемлемую сущность существования. Уже в литературе Древнего Египта можно найти образцы трагического мировосприятия, по содержанию и настроению близкие трагическому пессимизму библейского Екклесиаста [см.: 5, с. 323–324].

Однако с наибольшей ясностью и очевидностью сущностный характер трагического оказался выражен в онтологии древнегреческих авторов. По мнению современных итальянских исследователей Д. Реале и Д. Антисери, открытие и философское осмысление трагического в бытии принадлежит софистам. А именно, Протагор обнаружил, что Логос «полагает и противополагает [10, с. 62]», и, следовательно, бытие не является целостным, представляя противоборствующее самому себе начало, содержащее неразрешимый внутренний конфликт.

В первых же диалектических концепциях Древней Греции трагическое усматривает-

ся как неизбежное следствие объективной диалектики бытия. Гераклит – великий диалектик античного мира – не употребляя термина «трагическое», но описывая бытие как равномерно затухающий и разгорающийся огонь, раскрывает наиболее трагические противоречия человеческого существования. Подвижность, стихийность, изменчивость огня утверждаются Гераклитом как сущность жизни и бытия в целом. Но это означает сокрушительное непостоянство: все заканчивается и разрушается, невозможно удержать то, что дорого человеческому сердцу, каждое мгновение существующее безвозвратно утекает, отнимается непреложной данностью изменения. Не только каждая отдельная вещь или отдельное явление, но целый мир рождается и умирает в зависимости от того, разгорается или угасает огонь. В самой первооснове мира укоренены две вечно противоборствующие противоположности – возгорание и угасание огня – рождение бытия и уход в небытие, возникновение и уничтожение. Поэтому все, что когда-либо возникает, обречено на гибель.

И жизнь не является исключением. Возгорание и угасание огня означают рождение и смерть. «Жизнь есть горение, а, следовательно, и угасание [Цит. по: 3, с. 87]». Сам факт рождения по определению заключает в себе неизбежность смерти. «Рожденные жить, они [люди] обречены на смерть, да еще оставляют детей, чтобы родилась [новая] смерть [Цит. по: 3, с. 87]». Трагическая необходимость смерти укоренена в первооснове жизни. И как бы наше сознание, сердце или душа не противились этому, смерть абсолютно неизбежна. Она закономерна. Трагизм этой истины у Гераклита усиливается тем, что, как полагал философ, обычный человек едва ли может рассчитывать на вечную жизнь после завершения земного существования – бессмертными становятся только мудрецы.

Диалектика жизни и смерти в таком виде, как ее представляет нам Гераклит, содержит весьма существенные основания для признания неизбежности трагического конфликта между нашим витальным страхом небытия и ужасающей неотвратимостью последнего. По существу, Гераклит задолго до экзистенциалистов обращается к философскому обсуждению проблемы все уничтожающей бездны небытия – «Ничто», открытие которой, как правило, является одним из самых трагических моментов человеческого существования.

Гераклит особо подчеркивает, что смерть – не просто момент перехода жизни в свою противоположность, который можно было бы отсрочить или даже когда-либо устранить. Смерть есть явление внутри жизни. Борьба жизни и смерти определяет динамику жизни, т.е., по существу, определяет саму жизнь, ее главное отличие от неживой материи. В каком-то смысле, мы умираем каждое мгновение. «Мы только входим в реку, а вода уже утекла. Так и у человека. Мы те и уже не те. Мы есть, и нас нет [Цит. по: 4, с. 67]». В каждом мгновении тесно сомкнулись, сплелись друг с другом смерть и рождение: «вчерашний умер в сегодняшнего, а сегодняшний умирает в завтрашнего. Никто не остается [тем, кем был] [Цит. по: 4, с. 67]».

Очень важно отметить, что Гераклит понимает огонь не только как природную, но и как нравственную силу. Поэтому столь же неизбежной как противоборство жизни и смерти оказывается борьба добра и зла. Как жизнь и смерть, добро и зло также не могут существовать друг без друга. Добро неизбежно соединено со своей противоположностью. Сама возможность добра с необходимостью предполагает наличие зла, из-за чего стремление к абсолютному добру трагично. Но тогда и человек оказывается морально противоречивым существом. Поэтому наши попытки нравственного совершенствования, по сути, становятся непрекращающейся борьбой с самим собой, с «темной» стороной собственной души. Однако эта борьба обречена на трагическую неудачу.

Вообще Гераклиту весьма свойственна идея «трагического раздвоения» человека. В этом он предшественник таких представителей философии трагического, как Ф.М. Достоевский. Взаимоотношение души и тела представлено Гераклитом как трагическое единство противоположных и противоборствующих друг другу начал. Человеческая душа – часть мировой Души, часть Логоса.

Она безгранична. «Никогда не отыскать границы души, сколько бы путей ее не отслеживать, так глубина ее – это ее логос [Цит. по: 10, с. 26]». Душа безмерна, но находится в конечном теле. Тело и душа – конечное и бесконечное, соединенные в трагическом противостоянии. Гераклит указывает на неразрешимость этого противоречия. Неразрешимость в том смысле, что разрешается оно либо смертью тела, либо смертью души. Тело умерщвляет душу страстями, и если им не противиться, душа умрет вместе с телом, так и не получив вечности. Но борьба с телесными потребностями крайне мучительна. «С сердцем бороться тяжело, ибо чего оно хочет, то покупает ценой души [жизни] [Цит. по: 4, с. 69]». Поэтому борьба с телом за бессмертие души может порождать в сознании трагический «раскол», трагическое «раздвоение».

Диалектика Гераклита обосновывает и трагическую неизбежность вражды одного человека с другим. Противоестественно, с его точки зрения, призывать людей к прекращению вражды друг с другом, так как такая вражда есть следствие «войны» противоположных начал сущего. Люди с различными интересами – это такие же противоборствующие противоположности, подчиняющиеся всеобщей закономерности. Однако, учитывая, что война – одна из самых ужасных трагедий человеческой жизни, ее понимание как неизбежной сущности существования не просто являет трагическую картину мира, но дает образец трагического пессимизма.

Трагическое содержание присутствует и в философии Платона. Например, именно в духе трагической диалектики Платон развивает идею орфиков о противоборстве души и тела как враждебных, одновременно предполагающих и отрицающих друг друга началах. Жизнь тела есть «смерть» души. По крайней мере, душа заключена в теле, как узник, освобождение которого возможно только через смерть тела. При этом душой владеет неудержимая страсть познания Блага, Истины и Прекрасного, но душа не может их созерцать, потому что «…вынуждена рассматривать и постигать сущее не сама по себе, но через тело, словно бы через решетки тюрьмы… [9, с. 417]». Тело сковывает душу низменными страстями и даже отрешившийся от чувственного мира мудрец не в состоянии удовлетворить единственное благородное желание человека – обладать совершенной Истиной. Как это ни трагично для философа, «…пока мы обладаем телом и душа наша неотделима от этого зла, нам не овладеть предметом наших желаний [9, с. 386]».

Интенцией существования трагическое предстает и в диалектике Гегеля. Именно те процессы, которые отражены в законах гегелевской диалектики, часто становятся истоками, условиями или факторами трагического развития исторических событий или событий, происходящих в жизни отдельных людей.

Так, диалектика развития общества представлена Гегелем в виде процесса взаимодействия различных, в том числе противоположных, действий людей. Однако возникающая в результате общественная система изначально не предполагается ни одним действующим лицом. Становление общества, как и весь ход истории, осуществляются в соответствии с их собственной логикой (Гегель называет ее «хитростью разума»). Человек же вольно или невольно всегда подчиняется ей. И если мы ставим относительно общества или истории определенные цели, мы неизбежно окажемся в состоянии несчастного сознания, т.е. в состоянии человека, неспособного реализовать свои мечты и воплотить идеалы. Другими словами, нам не избежать трагического чувства жизни.

Кроме того, каждый скачек по направлению к новому синтезу (новому состоянию общества) проходит через «снятие», предполагающее как «отрицание», так и сохранение каких-то предшествующих структур и состояний. Но опять же не мы решаем, что достойно сохранения. Это также зависит от собственной объективной логики истории, а не интересов, привязанностей, желаний отдельных людей. Поэтому отброшенным, уничтоженным, упраздненным может оказаться то, что кому-то жизненно необходимо, то, что для кого-то составляет непременную основу существования, и потеря чего оказывается трагической. Не случайно Н.А. Бердяев замечал: «Боль отрицания играет огромную роль в гегелевской диалектике [1, с. 282]». Поэтому исторические изменения часто сопровождаются конфликтами,

войнами, кровавыми революциями, так как одни пытаются всеми силами удержать старое, другие же – осуществить переход к новому.

По существу, трагическую концепцию представляет собой экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого у Н.А. Бердяева. Смысл экзистенциальной диалектики в совместной борьбе Бога и человека против объективации. Причем для человека – это борьба и с самим собой, с объективированным в самом себе. И это трагическая борьба, потому что она может быть прекращена только эсхатологически.

Трагедия совершается, когда мир и человек отпадают от Бога вследствие первичной свободы, вносящей в мир разделение добра и зла. Человек утрачивает ощущение целостности, гармонии. Возникает объективация и множественность, отчуждение человеческой личности не только от Бога, но и от мира. Это делает наше существование наполненным страданиями. Происходит распадение целостности, разделение на противоположности, между которыми постоянно идет борьба. «Война есть основное явление нашего мирового эона», – полагал Бердяев [1, с. 305]. Объективация делает нас двойственными: в нас присутствует и божественный творческий дух, и сковывающее свободу духа материальное объективированное начало. Неразрешимое в пределах объективации противоречие между духом и материей делает нашу судьбу в мире трагичной. Духовная природа не соответствует объективации. Объективация порождает противоречие между Богом и человеком, между божественным и объективированным в нас самих. Из этого главного противоречия рождается все множество трагических конфликтов и столкновений. Противоречивым оказывается весь мир.

Свободный творческий дух, ощущая дисгармоничность своего положения, стремится к слиянию с божественным, с трансцендентным. Он жаждет ощущения целостности, причастности ко всему существующему. В нем есть тоска по трансцендентному. Но тяжесть объективации не позволяет осуществиться этому слиянию. В объективации противоречие между божественным и человеческим не может быть преодолено. Чем больше мы стремимся к целостности, тем очевиднее становится ее недостижимость, тем яснее видится трагизм нашего положения.

Внушает надежду лишь то, что Бог, как и человек, хочет слияния, синтеза, преодоления противоречия между собой и миром. Бог идет нам навстречу, потому что в результате грехопадения утрачивает целостность не только человек, но и Бог, который также теперь испытывает страдание «разорванности». Бог не является совершенно независимым от нас. «Бог с человеком и миром есть большее, чем Бог без человека и мира. Человек и мир есть обогащение божественной жизни [1, с. 305]». Полная целостность – Абсолют – это грядущее Богочеловечество, из которого будут изгнаны зло и страдание, в котором разрешатся все трагические противоречия человека и Бога. Бог, не менее, чем человек, заинтересован в грядущем синтезе, но не может навязать его силой, так как принуждение является злом, которое Он не может совершить. Мы свободны и должны свободно выбрать путь преодолевающей объективацию божественной любви. Бог может только поддерживать нас на этом пути. «Падшесть человека порождает не судебный процесс между Богом и человеком, <…> а драматическую борьбу и творческое усилие ответить на Божий призыв [1, с. 280]». Бердяев называл эту борьбу драматической (не трагической), потому что верил в ее успех.

Тайна всей человеческой истории заключается во взаимоотношении человека и Бога на пути к Богочеловечеству. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого, как считал Бердяев, это и есть та диалектика, в соответствии с которой развивается мир, это его сокровенная тайна. И эта диалектика предполагает конец мира. Бердяев критиковал гегелевскую диалектику как раз за то, что она описывает практически бесконечный процесс становления в истории. В ней не видно конца этой истории. «Ошибка была в том, что он [Гегель] верил в имманентное разрешение диалектики противоречий. Между тем как диалектика противоречий требует трансцендентного [1, с. 282]». Концепция Бердяева подчеркивает именно конец истории. «Конец есть торже-

ство смысла, соединение божественного и человеческого, эсхатологическое завершение экзистенциальной диалектики божественного и человеческого [1, с. 355]».

Стремление устраниться от трагического стало своего рода культурным кодом современной цивилизации. Между тем, во все исторические эпохи трагедия жизни была и остается неисчерпаемым источником творчества, источником духовно-нравственного становления личности, гуманного, понимающего и сострадательного отношения к миру. Очень часто великие идеи, религиозные и философские учения, произведения искусства, оказавшие значительное влияние на развитие культуры и истории человечества, рождались именно из осмысления трагических основ действительности.

Современная цивилизация попыталась отвернуться от трагического. Но тем самым был достигнут противоположный эффект: возросла актуальность проблемы трагического не только в экзистенциальном или социокультурном смысле, но и в социально-политическом контексте. «Счастливое сознание», маскирующее вытесненное в глубины подсознания «несчастье» – трагическое чувство жизни – обернулось глубочайшим антропологическим кризисом, возрастающей угрозой войн и социально-политических конфликтов.

Еще в XX веке стало своего рода трюизмом, что в наше время значительно обострились проблемы человека, и что необходим активный поиск путей, ведущих к гражданскому обществу, основанному на общечеловеческих ценностях. Но решать проблемы человека, не зная и не осмысливая глубинных трагических основ его существования, все равно, что пытаться построить атомный реактор, не зная законов физики: возможно, последствия проявятся не так скоро (что, впрочем, даже еще опаснее), но будут не менее разрушительными для общества и человеческой жизни.

Понимание трагического может и должно стать источником творческого синтеза новой гуманной культуры. И именно с этим должна быть связана главная цель философии трагического как особой отрасли философского знания и как особого способа осмысления реальности.

References

1. Berdyayev N.A. Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo [The existential dialectic of the divine and the human], Berdyayev N.A. O naznachenii cheloveka [About the destiny of man], M.: Respublika, 1993, p.p. 253–357 . (In Russ.).

2. Il'in I. Osnovy khristianskoy kul'tury [Basis of Christian Culture], Il'in, I. Osnovy khristianskoy kul'tury [Fundamentals of Christian Culture]. O soprotivlenii zlu siloy [About resistance to evil by force], M.: AST ; AST Moskva ; Khraniteli, 2007, p.p. 5–63 . (In Russ.).

3. Istoriya antichnoy dialektiki [History of ancient dialectic], Red. kollegiya: M. A. Dynnik i [dr.], M.: Mysl', 1972, 335 p. (In Russ.).

4. Istoriya filosofii [History of Philosophy], A.N. Volkova, V.S. Gornev, R.N. Danil'chenko i [dr.], M.: PRIOR, 1997, 464 p. (In Russ.).

5. Kul'tura Drevnego Yegipta [Culture of Ancient Egypt] , V.V. Struve, I.S. Katsnel'son, T.N. Savel'yeva i [dr.] ; otv. red. I.S. Katsnel'son, M.: Nauka, 1975, 444 p. (In Russ.).

6. Markuze G. Odnomernyy chelovek [Dimensional Man], M.: AST: AST Moskva, 2009, 331 p. (In Russ.).

7. Merezhkovskiy D.S. Bylo i budet. Dnevnik. 1910–1914 ; Nevoyennyy dnevnik. 1914–1916 [Was and will be. Diary. 1910–1914 ; Non-military blog. 1914–1916], M.: Agraf, 2001, 512 p. (In Russ.).

8. Merezhkovskiy D.S. Tayna Zapada. Atlantida – Yevropa [The mystery of the West. Atlantis – Europe], M.: Eksmo, 2007, 672 p. (In Russ.)

9. Platon. Fedon . Platon. Dialogi [Dialogues], Rostov-na-Donu: Feniks, 1998, p.p. 372–475 . (In Russ.).

10. Reale Dzh. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney. I. Antichnost' [Western philosophy from the beginnings to the present day. I. Antiquity], Dzh. Reale, D. Antiseri, SPb.: Petropolis, 1994, 336 p. (In Russ.).

11. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man's Search for Meaning], M.: Progress, 1990, 368 p. (In Russ.).

[1] Бердяев, Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 253–357 .

[2] Ильин, И. Основы христианской культуры // Ильин, И. Основы христианской культуры. О сопротивлении злу силой. – М.: АСТ ; АСТ Москва; Хранители, 2007. – С. 5–63 .

[3] История античной диалектики / Ред. коллегия: М.А. Дынник и [др.]. – М.: Мысль, 1972. – 335 с.

[4] История философии /А.Н. Волкова, В.С. Горнев, Р.Н. Данильченко и [др.]. – М.: ПРИОР, 1997. – 464 с.

[5] Культура Древнего Египта / В.В. Струве, И.С. Кацнельсон, Т.Н. Савельева и [др.]; отв. ред. И.С. Кацнельсон. – М.: Наука, 1975. – 444 с.

[6] Маркузе, Г. Одномерный человек. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. – 331 с.

[7] Мережковский, Д.С. Было и будет. Дневник. 1910–1914 ; Невоенный дневник. 1914–1916 . – М.: Аграф, 2001. – 512 с.

[8] Мережковский, Д.С. Тайна Запада. Атлантида – Европа. – М.: Эксмо, 2007. – 672 с.

[9] Платон. Федон // Платон. Диалоги. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 372–475 .

[10] Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность / Дж. Реале, Д. Антисери. – СПб.: Петрополис, 1994. – 336 с.

[11] Франкл, В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.